
Р.П. Храпачевский

КИТАЙСКИЕ ИСТОЧНИКИ О СОЦИАЛЬНО- ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЯХ С КОЧЕВНИКАМИ В IX–XI ВВ.

В статье рассматриваются модели отношений между кочевыми обществами и китайскими централизованными государствами в IX–XI веках. Представлен обзор концепций китайских историографов и политиков с соседними народами и собственно кочевниками с древности до времени династии Тан. Прежде всего, анализируется концепция «Срединное государство – варварская периферия». Рассматриваются китайские политические технологии воздействия на варваров, подразделяющиеся на три основные категории мероприятий: военно-политические, культурно-цивилизационные и торгово-экономические. Сделано наблюдение, что политика империи Ляо киданей по отношению к кочевым племенам строилась на сочетании методов традиционных методов управления, характерных для кочевников и технологий, характерными для китайских централизованных государств.

Детально рассматриваются социально-экономические отношения Китая с кочевниками в период конца династии Тан, Пяти династий и империи Ляо. В качестве источников привлечены «Ляо ши» («Официальная история династии Ляо»), «Цзю У-дай ши» («Старая история Пяти династий»), «Синь У-дай ши» («Новая история Пяти династий»), свод исторических сведений Сыма Гуана «Цзы-чжи тунцзянь» («Всеобщее зеркало, правлению помогающее»), собрания исторических сведений, сделанные южно-сунским историографом Ли Синь-чуанем.

Ключевые слова: Китай, империя Ляо, кочевники Евразии, средневековая китайская историография, средневековая китайская политическая мысль

Концепции отношений древнего Китая с кочевыми «варварскими» народами. Китай с далекой древности находился в самых тесных контактах с соседними кочевыми народами. Различные китайские царства вели дела с ними (а также друг с другом), основываясь на концепции равенства противостоящих друг другу государств (*ди-го*), часто имевших родственные отношения¹.

¹ О концепциях *ди-го* и «мира на основании родства» см.: *Кроль Ю.Л.* Географический трактат «История Хань» // «Страны и народы Востока. Вып. XXXII. М., 2005. С. 7–54.

При этом значительный разрыв в уровне развития китайских государств сравнительно с периферийными политиями номадов влиял на формирование китае-центрической модели отношений: «Срединное государство – варвары» или «Китай – варварская периферия» (*хуа и*), когда китайский государь Срединного государства (само это название *Чжунго* отражало данную концепцию) считался центральной мироустроительной силой, поддерживающей «правильное» состояние Поднебесной, а окружающие народы умиротворялись ею и принимали над собой верховенство *Чжунго*. Естественным выводом из этой концепции была трактовка китайскими правителями отношений с окружающими народами как системы даннической зависимости. Все эти народы подразделялись на две группы: первые, входившие в культурную зону Китая (такие как Корея, Вьетнам и т.д.), и все остальные, то есть народы, не испытавшие этого благотворного культурного воздействия (кочевые народы, в частности); при этом и те, и другие все равным образом считались данниками китайского государя. Особенно, в III–II вв. до н.э., когда произошло возобладание конфуцианства, модифицированного идеями легизма, как идеологической основы построения государственности Китая в виде централизованного государства-империи. Сформировались два основных конфуцианских подхода по отношению к «варварам»: первый – варваров невозможно изменить по причине их врожденных отличий от китайцев, делающих невозможным принятие ими культуры Срединного государства. На этом основании делался вывод, что лучше вообще не иметь с ними дел и не вступать с ними ни в какие отношения, кроме военных походов с целью последующего подавления и уничтожения (военным ли путем, или путем переселения и полной ассимиляции во внутренних китайских землях, когда их потомки станут реестровыми земледельцами). Второй конфуцианский подход заключался в отрицании существования непроходимой границы между китайцами и «варварами», а потому допускал возможность «смягчения нравов варваров» и принятия ими если не всей культуры китайцев, то многих ее элементов путем контактов – торговых, дипломатических. А также путем вовлечения детей «варварских» правителей в культуру Китая (институт сыновей-заложников при дворе китайского императора, выдача в жены варварскому правителю китайской «принцессы» и т. д.) при условии признания варва-

рами сюзеренитета Китая и своего даннического положения². Практическая политика Китая по отношению к кочевой периферии была сочетанием этих двух подходов, с разным перевесом сторонников той или другой модели в разные периоды истории.

Таким образом, стратегии китайских государств (как времен существования нескольких китайских царств, так и периодов централизации Китая) по отношению к «варварам» вырабатывались на протяжении как минимум тысячелетия. Уже во времена династии Хань (207 г. до н. э. – 220 г. н. э.) они сложились в довольно стройный комплекс военных, политических, культурных и торгово-экономических мероприятий³. Данные мероприятия, с какой бы позиции они не составлялись (признания кочевников «подданными» или в период более-менее равного партнерства с ними), можно разбить на три категории. Первая, – военно-дипломатические мероприятия – прямого действия и так называемые «стратегии непрямого действия». К первым, как это очевидно, относятся походы китайской армии в степь и прочие военные мероприятия против кочевников (оборонительные и сигнальные сооружения по границе, размещение гарнизонов и т. д.). К стратегиям непрямого действия надо относить в первую очередь стратегию «*и и чжи чжи*» («руками варваров управлять ими»), которая имеет очень древние корни в Китае. Для ее осуществления были очень важны данные разведки, которая выполнялась китайскими дипломатами, посылаемыми в степь. Об этом писал в своем сочинении выдающийся историк и крупный чиновник сунского Китая Оуян Сю (1007–1072 гг.): «Начиная с древности восточные и северные варвары, имевшие сношения со Средним государством, не обязательно подчинялись ему, а не имевшие сношений не обязательно не являлись ко двору. Хотя в зависимости от расцвета или упадка варваров их иногда и оставляли вне управления, однако нельзя упускать возможностей держать варваров на привязи и случаев проявления к ним милостей и величия... Если они подчиняются или бунтуют, уходят или приходят, что

² См. подробнее: *Крюков М.В., Малявин В.В., Сафронов М.В.* Китайский этнос в средние века (VII–XIII вв.). М., 1984. С. 266–271.

³ Обзор основных исследований, рассматривавших проблематику «Китай – варвары» и «Китай и окружающий мир» см.: *Исаева М.В.* Представления о мире и государстве в Китае в III–VI веках н.э. М., 2000.

может принести Срединному государству пользу или вред, это следует знать»⁴.

Дипломатия китайских правителей, кроме разведывательных функций, в основном сводилась к заключению договоров с различными вождями кочевых племен, разжиганию их вражды друг с другом, принуждению к признанию сюзеренитета китайского государства. Им присваивались пышные звания и почетные титулы не имевшие реального управленческого значения, но маркирующие этих вождей как «чиновников» на службе китайского императора.

Политика культурного поглощения. Важнейшей целью этой политики было постепенное внедрение среди «варварских государств» стандартов китайской цивилизации. В первую очередь это касалось таких вещей как принятие ими календаря текущей династии, правившей Срединным государством (собственно это означало, по китайским понятиям, признание его сюзеренитета), титулов и почетных званий от императора, проведение ими ритуалов, предписанных верховными властями Срединного государства. Такая политика по отношению к кочевым обществам была также направлена на приучение вождем кочевников к импортным предметам из Китая (в основном от императорского двора) – или для престижного потребления, или для владения ими как средством отличия среди других вождей (различные инсигнии от императора, почетное оружие и т. п.). Использовался институт «заложничества» – пребывание при дворе в качестве «почетных гостей» сыновей вождей кочевников и выдача замуж за вождей и их сыновей «принцесс»⁵ из Срединного государства. Практиковался обмен дарами (в обмен на «дань варваров» им направлялись дорогие и престижные «подарки» от императора) и расширялась торговля.

Торговая политика. Собственно экономический интерес в торговле с кочевниками для оседлого населения Китая не был особо значимым фактором по причине асимметричности потребностей земледельческой и торговой экономики Китая и потребностей

⁴ Удай шицзи / Записки по истории Пяти династий // Материалы по истории древних кочевых народов группы дунху / Введение, перевод и комментарий В.С. Таскина. М., 1984. С. 11.

⁵ Настоящие принцессы, т.е. представительницы императорского рода, крайне редко выдавались замуж за «варваров» – обычно отправлялись китайки низшего сословия, которых формально удочеряли императоры и которые получали таким образом титул *гунчжэ* («принцесса»).

кочевников. Китайское хозяйство всегда имело альтернативные возможности поставок тех видов товаров, которые могли продать кочевые народы (степные породы коней, продукты скотоводства и охоты – кожи и меха в первую очередь). В то же время кочевники серьезно зависели от Китая в вопросе поставок крайне им необходимых товаров ремесленного производства, которые более негде было взять. Этим обстоятельством – неэквивалентностью торговых отношений степи с Китаем, умело пользовались правители Срединного государства. В первую очередь они использовали его для подтверждения и закрепления сюзеренитета (действительного или формального) над кочевыми соседями – владельцами кочевых племен периодически являлись с данью или ко двору императора, или в специально отведенные для этого места на границах империи⁶, тем самым каждый раз ритуально подтверждая свой вассальный статус и сюзеренитет китайского императора над ними. Сама возможность регулировать или запрещать торговлю жизненно необходимыми для кочевников товарами была важнейшим инструментом воздействия. Дополнительной выгодой для Китая была возможность получать дешевое конское поголовье с северных границ Китая – монгольские породы лошадей оказывались намного более дешевой альтернативой дорогостоящим «западным коням» (так называемым «небесным коням» из Ферганской долины и коням из других западных земель – арабским скакунам, в частности), восполняя извечную нехватку лошадей в районах оседлого земледелия Центральной равнины Китая.

Китайские источники о социально-экономических отношениях с кочевниками в периоды Пяти династий и Ляо. Время второй половины IX – начала X вв. характеризуется значительной ин-

⁶ Южносунский историк Ли Синь-чуань (1167–1243 гг.) так описывает эту процедуру на примере отношений монголов («черные татары») и тюрок-онгутов («белые татары») с правителями Цзинь: «[Черные татары] были вместе с белыми татарами – они все были подчиненными Цзинь. И каждый год их владельцы сами приходили к [определенному] месту отдачи дани на границе с Цзинь и лично совершали преподношение. Цзиньцы тоже давали ответные дары, но соразмерно с принесенной [данью], и не [отправляя] послов внутрь их [татар] границ» (*Ли Синь-чуань*. Цзянь-янь илай чао-е цзацзи / Различные официальные и неофициальные записи о [событиях] произошедших с периода правления Цзянь-янь. Пекин, 2010. С. 849). Тут четко показано неравноправие сторон и подчиненность «татар» императору Срединного государства, выраженные в проведении перечисленных ритуалов.

тенсификацией взаимоотношений Срединного государства с кочевыми народами. Дело в том, что в ходе борьбы племен из конфедераций *тэлэ* и *шато* с Восточнотюркским каганатом часть племен откочевала к границам танского Китая и стала оседать, либо на самих границах, либо в отведенных им властями Тан новых землях. Позже, в середине VIII в., политика привлечения кочевников в Китай стала необходимостью для властей Тан во время гражданской войны в Китае (т. н. «мятеж Ань Лушаня») – тюркская конница эффективно помогала в борьбе с мятежниками. К концу периода Тан, в последней четверти IX в., этот процесс дополнился массовыми вторжениями кочевников уже в центральные земли Китая – в период восстания Хуан Чао⁷, когда танские власти стали использовать военную силу кочевых племен (в первую очередь тюрк-шато и конфедерацию кочевых племен, которых в китайских источниках называют «татары») для его подавления. Именно тогда фиксируется в китайских источниках массовое появление кочевых конфедераций «татар» непосредственно на границах Китая и их вторжения вглубь империи Тан. При этом некоторые кочевые вожди за заслуги в подавлении мятежа Хуан Чао получили под свое управление китайские округа с частично или полностью оседлым населением, став там фактически независимыми феодальными правителями.

Гибель династии Тан в 907 г. и появления на территории Китая на протяжении последующих 50 лет «Пяти династий и десяти царств»⁸ знаменовали период раздробленности ранее централизованной империи и значительного усиления кочевых соседей.

⁷ Восстание началось в 874 г. и продолжалось до середины 880-х годов (при этом последние отряды мятежников, уже после смерти Хуан Чао, были уничтожены в конце 890-х годов). Оно отличалось огромным размахом, иногда восставшие контролировали едва ли не большую часть империи. Сам Хуан Чао объявил себя императором, когда была взята столица Тан – г. Чанъань. К концу восстания страна была чудовищно опустошена войной и эпидемиями, ее части практически не контролировались центральным правительством и по сути империя уже прекратила существование, хотя формально династия Тан просуществовала до 907 г.

⁸ В период с 907 по 959 г. (или с 897 по 979 г. по другой периодизации), когда империя династии Тан пала, на ее территории существовало пять последовательных династий – (Поздняя) Лян, (Поздняя) Тан, (Поздняя) Цзинь, (Поздняя) Хань и (Поздняя) Чжоу и еще десять вассальных им царств-княжеств, которые признавались «китайскими». Но кроме них в то же время существовало и государство киданей Ляо, владевшее также значительной частью китайских земель и контролировавшее северные приграничные районы, населенные кочевыми и охотничьими народами (монгольскими, тюркскими, тунгусо-маньчжурскими).

Только образование киданьской империи Ляо (с 916 г.) на территории северных провинций Китая и китайской империи Сун (в 960 г.) на юге стабилизировало ситуацию, но уже в виде раздела территории Китая между двумя этими могущественными империями. С этого момента в основном только империя Ляо имела постоянные взаимоотношения с кочевниками.

Кидани (исходно кочевая монголоязычная народность) сумели создать сначала типичную кочевую конфедерацию племен (после гибели в 840 г. Уйгурского каганата, вассалами которого они были), а потом расширили свою территорию на коренные китайские земли⁹. В итоге образовалась империя Ляо, соединившая под своей властью как территории степных кочевников, так и оседлого китайского населения. Довольно быстро ее высшие власти перешли на китайские образцы государственного управления: они имели значительное количество китайских образованных чиновников на присоединенных в 936 г. шестнадцати округах бывшей империи Тан. Была также воспринята китайская образовательная система обучения и экзаменов кадровых чиновников для аппарата империи. В результате сложилась ситуация, когда изначально кочевой народ стал во главе империи, построенной по китайскому образцу¹⁰. Правда, при этом управление киданями и приравненными к ним кочевыми племенами, в ляоской терминологии они назывались «внутренними», было выделено в отдельную систему. Кочевники, таким образом, сохранили собственную отдельную систему власти. Но по отношению к «внешним» кочевым племенам власти Ляо вели политику, сочетавшую как собственные, присущие кочевым обществам, способы коммуникации, так и наработанные китайские стратегии.

Основным источником для сведений об политике Ляо по отношению к «внешним» кочевникам является династийная история «Ляо ши» («Официальная история династии Ляо»). Она была

⁹ Ши Цзин-тан, император-основатель (Гао-цзу) династии Поздняя Цзинь, признал кагана киданей своим «старшим братом», в 936 г. он передал киданям 16 округов (по территориальному делению времен Тан), населенных китайцами и составлявших коренные китайские земли. Это событие было настоящим переломом во взаимоотношениях Китая с кочевыми государствами – впервые в кочевую конфедерацию вошли как его часть китайские земли, а китайский император признал себя младшим правителем перед кочевым владетелем.

¹⁰ Подробное описание этой системы управления и характеристику общества Ляо см. в монографии: *Wittfogel K.A., Feng C.-Sh. History of Chinese Society Liao (907–1125)*. Philadelphia, 1949.

опубликована в 1344 г., но ее основой являлись аутентичные документы времени Ляо, собранные еще в начале XII в. историографами сменившей Ляо империи Цзинь, которые готовили этот памятник историографии¹¹. В качестве дополнительных источников могут быть привлечены две династийные истории периода Пяти династий – «Цзю У-дай ши» («Старая история Пяти династий») и «Синь У-дай ши» («Новая история Пяти династий»), свод исторических сведений Сыма Гуана «Цзы-чжи тунцзянь» («Всеобщее зеркало, правлению помогающее») (1086 г.), а также собрания исторических сведений, сделанные южносунским историографом Ли Синь-чуанем.

Военно-дипломатические мероприятия. Военно-политическая программа Ляо по отношению к «внешним» кочевым обществам в целом продолжала аналогичные мероприятия предыдущих правителей Срединного государства. Свидетельством этого является доклад крупного чиновника Сяо Ханьцзяна императору, написанный в 1035 г. и сохранный в его жизнеописании в «Ляо ши». В нем, в частности, говорилось:

«В 4-м году [деви́за правления Чун-си] (1035 г.)... был издан указ императора, [адресованный] Поднебесной, где говорилось о важном в методах управления [государством] и задавались вопросы о способах [их достижения]: ... Бедствия от разбойников и грабителей, каким образом можно их остановить? [Сяо] Ханьцзяну дал такой ответ [на них]: Подданный смиренно обдумывал и сравнивал прошедшие годы. Корё все еще не подчиняется, татары (*цзубу*)¹² еще сильны, [государство] ведет подготовку к обо-

¹¹ Юаньская историографическая комиссия, которая в 1344 г. издала «Ляо ши», как раз и пользовалась наработками и черновыми вариантами цзиньских историографов, работы которых не были опубликованы из-за монгольского нашествия. О системе китайской историографии и о системе написания династийных историй вообще и «Ляо ши», в частности, см.: *Доронин Б.Г.* Организация государственного историописания в Китае в XVII–XVIII вв. // *Историография и источниковедение истории стран Азии и Африки.* Вып. 9. Л., 1986. С. 98–127; *Пиков Г.Г.* Западные кидани. Новосибирск, 1989.

¹² Название татар «*цзубу*» используется в ляоских и цзиньских источниках. Дело в том, что тибетский термин *сонгпо*, применявшийся к западным татарам, был воспринят киданями (в разных формах транскрипции китайскими иероглифами – *чжумо*, *чжубугу* или *цзубу*) от тибетцев и / или тангутов. Этим названием кидани стали называть уже конфедерацию «восточных татар», с племенами которой они теперь постоянно имели дело. А контактировавшие с ними же китайцы из Сун продолжали называть их по-прежнему «татарами», сохраняя термин известный китайцам с времен Тан. Так получилось разное наименование: в источниках Ляо

роне по сути дела непрерывно... Если сможем переместить западные пограничные гарнизоны поближе, то подход [к ним подкреплений] будет нетрудным, а простому народу не достанется больших беспокойств. Те, кто советует [императору], так говорят о неудобствах перемещения [гарнизонов]: во-первых, это вредит репутации величия государства; во-вторых, это накличет нападения и оскорбления [со стороны врагов]; в-третьих, это значит отдать земли землепашцев тем, кто пасет скот. Подданный говорит, что эти [доводы оппонентов] неверны. Все племена татар (*цзубу*) сами собой уже завелись на них [этих землях]. Прежде, [татары в землях между] севером, что у реки Керулен, и югом, что у нашей границы, проживали там рассеянно в больших количествах и не было никого, кто ими всеми бы правил единолично, кроме [руководителей на случаи] их набегов для грабежей. Ко временам западного похода Тай-цзу, дошедшего до Люша, татары (*цзубу*) уловили ветер удачи [Ляо] и все подчинились. Все государства Западного края тоже выразили желание прибывать в Ляо с даяниями. Поскольку было переселение различных племен, то правительство упорядочило [их], подразделив на 3 племена, а к пользе нашего государства – не ставились укрепления и города со стенами, не строились пограничные укрепления с гарнизонами, и татары (*цзубу*) на протяжении ряда поколений не смели делаться разбойниками. Во времена [девиза правления] Чун-си (983–1012 гг.) великая правительница повела войска в Западный край, далеко раздвинув земли, подчинив и присоединив также множество народа. С того времени так и пошло, что когда одно племя поднимает мятеж, соседнее племя идет карательным походом на него. Так заставили [эти племена татар] совместными усилиями поддерживать порядок между собой. Это правильный путь, чтобы добиваться обуздания дальних народов¹³.

Частые военные походы в степь и устройство там укреплений с гарнизонами, которые имели связи с союзными племенами, были отличительной особенностью Ляо по сравнению с дру-

и Цзинь они именовались – как «цзубу», а в источниках Сун – как «татарь». Позднее, в период Юань, юаньская официальная историография сохранила киданьскую традицию и оставила название «цзубу» в своих документах, а когда надо было цитировать документы Сун, там производилась замена сунского наименования «татар» на «цзубу» (см. подробнее: *Wittfogel K. A., Feng Ch.-Sh. History. С. 102*).

¹³ *Ляо ши. С. 1446–1447.*

гими китайскими династиями, которые менее охотно проводили подобные мероприятия. Так, Сюэ Цзюй-чжэн в «Цзю У-дай ши» («Старая история Пяти династий») писал: «В шестой луне (24 июня – 23 июля 925 г.)... из округа Юньчжоу императору [династии Поздняя Тан] подали доклад о том, что: в прошлом году кидани проследовали в северные пустыни – вернуть назад юрты [кочевников]; татары после этого стали неожиданно нападать друг на друга и из северной пустыни юрты рода их [татар] вождя Юйюэ вместе с 30 000 баранами и лошадьми, [принадлежащими их] племени, пришли и подчинились [Поздней Тан]»¹⁴. Аналогичную историю о способах использовать одних кочевников против других рассказывает и Оуян Сю в «Синь У-дай ши» («Новая история Пяти династий»): «В период [годов девиза правления] Тун-гуан (923–926 гг.) правитель приграничной области (дуду) Чжэ Вэнь-бу делал подсчеты прибывавших из Хэси в качестве дани [от татар] верблюдов и лошадей. Когда Мин-цзун¹⁵ пошел карательным походом на Ван Ду¹⁶ в округ Динчжоу, [Ван] Ду сманил киданей на грабительское вторжение. Мин-цзун призвал татар вторгнуться вглубь границ киданей, чтобы растянуть военные силы [киданей], и отправил Сюэ Цзин-чжуна, правителя округа (цъши) Сучжоу¹⁷, передать в дар живущим на границах округа Юньчжоу татарам захваченные у киданей 250 щитов и несколько сот луков со стрелами, поскольку [Поздняя] Тан постоянно держала их в зависимости»¹⁸.

К прямым военным мероприятиям Ляо по отношению к кочевникам следует также отнести построение в степи укреплений и городов, бывших там форпостами империи. А построение киданями в глубине кочевой степи крупного города-крепости Кэ-

¹⁴ Цзю У-дай ши / Старая история Пяти династий. Пекин, 2003.

¹⁵ Император династии Поздняя Тан, правил в 926–933 гг.

¹⁶ Начальник округа Динчжоу, в 928 г. поднял мятеж и в том же году был разбит вместе с прибывшими ему на помощь киданьскими войсками правительственной армией Поздней Тан.

¹⁷ Приграничный с тангутами округ.

¹⁸ Синь У-дай ши / Новая история Пяти династий. Пекин, 2002. Ср: «...В эру правления Гуан-ци (885–888 гг.) правитель киданей Циньдани, пользуясь многочисленными смутами, происходившими на Центральной равнине, и тем, что на северных границах не принимались меры предосторожности, стал постепенно захватывать различные кочевья, подобно шелковичному червю, поедаящему листья. Даданей (*tatar* – Р.Х.), сисцев и шивэйцев он заставлял отбывать повинности...» (Материалы по истории. С. 172).

дун на р. Керулен было не только военным мероприятием, но установлением там центра своей администрации. Об этом нам известно из текстов «Ляо ши»: «В шестой луне, в день синьсы [21-го года девиза правления Тун-хэ] (14 июля 1003 г.) татарский (*цзубу*) [вождь] Тералык возглавил все племена и покорился [Ляо]. В эту же луну. Был построен город Кэдун»¹⁹ ... [Елюй Даши]... идя на запад дошел до [города] Кэдун, где остановился в Управлении наместника Северного двора (*бэй-тин духу фу*)»²⁰. Здесь есть важное указание на то, что в Кэдуне вплоть до 1126 г. существовал административный центр империи Ляо с соответствующим комплексом правительственных зданий.

Очевидно, что главной целью, помимо военных походов и оставления гарнизонов и укреплений в степи, было установление такого взаимного наблюдения и вражды разных племен друг с другом, чтобы в случае неповиновения одних, руками других оно могло быть подавлено²¹. Способы достижения этого были

¹⁹ *Ляо ши*. С. 159. Этот киданьский город был заложен на р. Керулен. Есть сообщения о другом пограничном городе-крепости того же военного округа Цзяньнань под названием Пибэйхэчэн, т.е. «городе на реке Пибэй», которая «впадает в реку Луцзюйхэ (Керулен) (*Ляо ши*. С. 451). При этом расстояние от Пибэйхэчэна, находившегося южнее Кэдуна, до Верхней столицы Ляо г. Линхуанфу, который был расположен в районе городка Болочэн, в 70 км к северо-востоку от станции Барим (*Малявкин А.Г.* Комментарий // История Золотой империи. Новосибирск, 1998. С. 242). На основании всех этих данных можно локализовать город Кэдун на р. Керулен (*Wittfogel K. A., Feng Ch.-Sh.* History. P. 67–68).

²⁰ *Ляо ши*. С. 355.

²¹ Сыма Гуан в «Цзы-чжи тунцзянь» («Всеобщее зеркало, правлению помогающее») также сообщает о том, как власти различных династий Среднего государства вели политику такого рода: «В 9-й год [девиза правления] Сянь-тун (868 г.)... Последовал указ императора – назначить чина охранной гвардии императора (*цзиньбу*) Кан Чэн-сюня губернатором (*цзедуши*) Ичэна... [Кан] Чэн-сюнь подал доклад императору с прошением – три племени шато вручить Чжуче Чисиню [как вождю], чтобы вместе с вождями [племен] туюйхунь, татар и циби, каждый из них правил своим народом, самостоятельно кочуя [по своим маршрутам]. Последовал указ императора – разрешить это... В девятой луне (24 сентября – 22 октября 941 г.)... Лю Чжиюань отправил к вождю туюйхуней Бай Чэнфу командира личной охраны императора (*цинъцзян*) Го Вэя с целью объявить и разъяснить указ императора, в котором приказывалось уйти от Ань Чжун-жуна и вернуться в подданство императору, с правом носить жезл и секиру. [Го] Вэй, вернувшись назад, сказал [Ли] Чжиюаню: «Варвары думают только о выгоде, это их страстное желание. [Некогда] Ань Те-ху сдержал их, подкупив парадными халатами и штанами. Ныне, желая их прихода, нет ничего лучше, чем подкупить большим [чем при Ань Те-ху], тогда можно добиться этого!». [Ли] Чжиюань последовал этому [совету] и снова послал [Го Вэя] к [Бай] Чэнфу сказать так:

разнообразны. Об этом сообщает «Ляо ши», где сохранились рассказы о подобной деятельности военных и дипломатических администраторов и где есть упоминания о конкретных мероприятиях, вызванных различными обострениями отношений с кочевниками: «В 15-м году [девиза правления Тун-хэ] (997 г.) народ племени тераит убил [своего] *сянвэня* и при том взбунтовался, бежав в пустоши северо-запада. [Сяо] Талинь повел легкую конницу, преследуя их. Поскольку [Сяо Талинь] покарал тех татар (*цзубу*), которые еще не покорились, то все пограничные варвары принесли ежегодную дань местными изделиями и стали служить государству [т.е. Ляо]. С этого времени и позднее сношения [с ними] стали там как в единой семье ... Сяо Туэй... В 19-м году [годов девиза правления Тун-хэ] (1001 г.)... подал императору доклад, где говорилось: «Татары (*цзубу*) ныне уже привыкли к культуре. Следует всех разделить на племена и управлять [ими] через наместников (*цзедуши*)». Император последовал ему. С этих пор наместниками (*цзедуши*) везде стали бездарности, народы племен озлоблялись и при этом задумывались о мятеже»²².

Такие мятежи обычно подавлялись комбинированными усилиями войск киданей и союзных им кочевых племен, оставшихся верными Ляо: «Летом, в четвертой луне (21 апреля – 20 мая 1015 г.)... член Верховного тайного совета Гуань Нин доложил императору о большом поражении тераитов²³ восьми племен... В день бин-инь (6 мая 1015 г.) Елюй Шилиян сотоварищи прислали императору нескольких пленных из разбитых татар (*цзубу*)²⁴... В день жэнь-шэнь (12 мая 1015 г.) Елюй Шилиян пошел карательным походом на [племя] угуров и разбил их. В день цзя-суй (14 мая 1015 г.) [император] направил посланцев с наградами для

«Император отдал вас под начало киданей и вам следует самим успокаивать племена. Тогда как сейчас [вы наоборот] идете на юг помогать Ань Чжун-чжуну, который стал мятежником. Ань Чжун-чжун – это тот, кто уже покинут [народом] Поднебесной и в любой момент потерпит поражение и погибнет. Вам следует заранее присоединиться к законной стороне. Не дожидайтесь прибытия к вам войск – не успеете раскаяться, как пристанища не будет ни на юге, ни на севере!». [Бай] Чэнфу испугался и зимой, в десятой луне (23 октября – 21 ноября 941 г.), привел свой народ и сдался [Ли] Чжюаню».

²² Ляо ши. С. 1314, 1378.

²³ В тексте 八部迪烈得, т. е. буквально «8 племен тераитов», т. е. одного из подразделений т. н. «татар-тераг / тераит».

²⁴ «Тераиты восьми племен», о поражении которых войсками Елюй Шилияна доложил ранее Гуань Нин, теперь названы татарами.

имеющих заслуги полководцев и командиров. [В этот же день Елюй] Шилян пошел карательным походом на тераитов, дойдя до Цинниго²⁵. В это время угуры²⁶ были уже замирены и императорский двор рекомендовал переселить их людей во внутренние земли. Угуры спокойно жили на своей земле и были тяжки на подъем, поэтому взбунтовались. [Елюй] Шилян наказал [угуров] для острастки²⁷, сразу после чего разбил тераитов, на месте перебив их взрослых мужчин. [Елюй Шилян] направил войска переправляться через реку Хара²⁸, продвинулся далее и напал на остатки кланов [тераитов]. Разведка не была тщательной и их [тераитов] полководец Буга, собрав войско внутри густого леса, неожиданно ударил по не подготовившимся войскам Ляо. Войска Ляо немного отступили и заняли крепкую позицию в Хэцюй. Буга той же ночью сделал неожиданное нападение. Наступившим утром подоспел арьергард ляосцев и Буга, сманив народ угуров, бежал со всеми ними. [Елюй] Шилян гнался за ними и войска дошли до обрывистой теснины. Буга как раз был в небольшом лесу на круче. Войска Ляо выследили и узнали, где его стоянка. [Елюй] Шилян не полностью обложил ее и Буга с легкой конницей сбежал и скрылся. [Елюй Шилян] захватил обоз вместе с народом угуров, которых сманил [Буга]. Всех их отправили совместно с тераитами и с захваченным народом племени хамул, чтобы поселить их в основанном на реке Керулен городе»²⁹.

Кроме того, из кочевых племен власти Ляо сумели создать пограничные войска (своеобразных федератов империи), которые в источниках называются «войска дяо». Эти войска дяо в мирное время несли пограничную службу, а во время войны призывались как дополнительные контингенты к тем реестровым киданьским войскам, к которым были приписаны. Впрочем, дисциплина и

²⁵ Точное местонахождение неизвестно, однако судя по другим ориентирам (упомянутым в рассказе об этих событиях), эта местность находилась в между бассейнами рек Орхон и Керулен.

²⁶ Одно из племен «татар».

²⁷ Речь тут идет уже не военном мероприятии, а о взыскании штрафов и дополнительных повинностей с замиренных угуров, в первую очередь военной повинности – по контексту можно понять, что та часть угуров, которая осталась в повиновении Ляо, участвовала своими войсками в походе Елюй Шиляна на тераитов, на стороне которых была та часть угуров, которая не подчинилась Ляо.

²⁸ 曷刺河 Хэ-ла хэ, «река Хара», т. е. «Черная река», вероятнее всего – это Хара-гол (по-монгольски «Черная река»), приток Орхона.

²⁹ *Ляо ши*. С. 176–177.

обязательность этих войск была весьма условной, что и отмечается в источниках. Это ясно из трактата «Войска и гвардии» в «Ляо ши»: «Войска подчиненных государств. Тех, кого можно считать подчиненными Ляо государствами, пятьдесят девять. Давали дань династии нерегулярно. Если была необходимость, то [из Ляо] отправляли послов для набора воинов³⁰ [в этих государствах], или спускался [им императорский] указ самостоятельно идти походом [на указанного им врага] – что касается тех, кто не следовал [указам императора], то на них шли карательным походом. Помощь от войск [из этих государств] была небольшой – они поступали по своему усмотрению и выставляли непостоянные [по численности] контингенты»³¹. И из трактата «Все чины» в «Ляо ши»: «12 войск *дю* при походных [ставках]³²: каждое [войско] *дю*, кроме того, имеет наставника-распорядителя (*сыту*) [во главе], остальные чины – такие же как в Управлении *сянвэней*. Каждой [походной] ставке выделено [свое] войско *дю*»³³.

Вовлечение кочевых народов в сферу культурного влияния Ляо. В первую очередь оно заключалось во внедрении ритуалов новой империи – вожди кочевых народов поощрялись к принятию почетных титулов; принесению дани в соответствующим образом оформленном ритуале прибытия ко двору императора; принесению императору надлежащим образом оформленных прошений на какие-либо действия. Заключались также браки между представителями кочевой аристократии и членами императорского рода Ляо. В «Ляо ши» есть следующие сообщения на

³⁰ Из более поздней южносунской компиляции «Да Цзинь гочжи» («История государства [династии] Великая Цзинь») известно в частности, что на грани XI – XII вв. племена монголов нанимались на военную службу чжурчжэнями за вознаграждение, причем эти кочевые племена считали себя равноправными союзниками, а не вассалами чжурчжэньской империи Цзинь: «В начале возникновения Великой Цзинь [цзиньцы] часто брали у них воинов [в наем]. Позднее они, создав империю, не стали платить [монголам] согласно изначальному договору, поэтому у тех появился ропот. [Ваньянь] Цзунпань решил воспользоваться их неподготовленностью и напасть на них. Из этого вышла потеря монголов как подданных [Цзинь], так что все их племена отделились, вот так!», (*Да Цзинь гочжи*. С. 138).

³¹ *Ляо ши*. С. 429.

³² «Походная ставка», или «орда» в текстах «Ляо ши» записывается по-китайски как «лагерь», «дворец», «походный дворец, » или киданьским словом «ордо» в транскрипции «волидо». Это была основная военная организация в Ляо (*Wittfogel K.A., Feng Ch.-Sh. History*. P. 509).

³³ *Ляо ши*. С. 741.

этот счет: «В шестой луне [16-го года девиза правления Чун-си] (26 июня – 25 июля 1047 г.)... даван татар (цзубу) Тортугус прибыл к императорскому двору и преподнес императору в дар местные изделия... Осенью, в седьмой луне [22-го года девиза правления Чун-си] (18 июля – 16 августа 1053 г.)... даван татар (цзубу) Тортугус, ведя за собой вождей всех племен [татар, прибыл к императорскому двору] и преподнес императору в дар лошадей и верблюдов... В шестой луне [2-го года девиза правления Цин-нин] (15 июля – 13 августа 1056 г.)... вожди племени татар (цзубу) прибыли к императорскому двору и принесли дань местными изделиями... Во второй луне [6-го года девиза правления Сянь-юн] (15 марта – 13 апреля 1070 г.)... татары (цзубу) прибыли к императорскому двору и принесли дань местными изделиями... В шестой луне [4-го года девиза правления Да-кан] (12 июля – 10 августа 1078 г.)... все вожди татар (цзубу) поднесли [императору Ляо] лучших лошадей... Во второй луне, в начальный день гэн-у, [10-го года девиза правления Да-кан] (9 марта 1084 г.) монгольское государство прислало послов, просивших о сватовстве... Во вставной луне [3-го года девиза правления Шоу-чан] (17 марта – 14 апреля 1097 г.)... вождь татар (цзубу) Мэндас, вождь [племени] наймаг³⁴ Тугсак, вождь меркитов Хурбан и другие принесли дань местными изделиями и просили разрешения [у императора Ляо] вернуться на [свои] старые земли. [Император] согласился на их просьбу»³⁵.

Торговая политика. Тот факт, что торговля с кочевниками для властей Срединного государства была также способом политического контроля, ясно описывается южносунским историком Ли Синь-чуанем, собравшим много материалов по истории таких взаимоотношений. В его сочинении «Цзянь-янь илай чао-е цзацзи» («Различные официальные и неофициальные записи о [событиях] произошедших с периода правления Цзянь-янь») есть один весьма интересный экскурс в историю торговой политики по отношению к кочевникам: «Что касается тех из них, что [живут] поблизости ханьских земель, то их называют культурными

³⁴ 粘八葛 / «нянь-ба-гэ», «наймаг» – наиболее вероятно, что это – вариант транскрипции названия племенного объединения найманов («найман» – по-монгольски «восемь»). Этноним воспроизведен в виде транскрипции слова «восемь», взятого из тунгусо-маньчжурских языков (Wittfogel K. A., Feng Ch.-Sh. History. С. 95–96).

³⁵ Ляо ши. С. 237, 245–246, 254, 281, 289, 309.

татарами (*шу-дада*)³⁶, [так как они] умеют сеять гаолян и просо. Их [зерна] варят в глиняных котлах с плоским дном и затем едят. Что касается тех из них, что [живут] далеко [от ханьцев], то их называют дикими татарами (*шэн-дада*), [так как они], только лишь охотятся на зверей с луками для поддержания жизни; не имеют утвари и доспехов, а в стрелах используют костяные наконечники и только! Это по той причине, что в их землях не производится железо. Кидани, хотя и вели [с ними] мирную торговлю, при этом строго воспретили [завозить] железо. Когда цзиньцы захватили Хэдун, [они] отменили ограничения на железную монету. Поставленный блюсти [запрет] Лю Юй³⁷ еще более привел [его] в упадок. Поэтому железная монета из Цинь и Цзинь, и вообще все монеты, стекались к ним [татарам]. В результате [они] сделали множество вооружений, при этом государство [татар] способствовало умножению количества [оружия]. Именно во времена, когда цзиньцы процветали, [татары] ежегодно прибывали к ним с данью. Цзиньцы установили на северо-востоке [своих земель должность] уполномоченного по привлечению [сдающихся] и подавлению [сопротивляющихся] (*чжаотаоши*), чтобы управлять ими как подданными»³⁸.

Однако, кроме задачи контролировать поступления к кочевникам оружия и железа, существовали и реальные потребности империи в продуктах кочевого и охотничьего хозяйства. Сведения о такой торговле (часто замаскированной под описанием «дани» от кочевников и ответных «подарков» от императора) весьма обильно представлены в «Ляо ши»: «В одиннадцатой луне (1 – 29 декабря 932 г.)... татары (*цзубу*) отдали дань Хайдунскими синими соколами³⁹ – [общим числом] 30 десятков... В восьмой луне

³⁶ Термин, применявшийся в императорском Китае к «варварам», которые жили рядом с китайскими землями и находились под определенным их культурным влиянием. Кроме татар, «культурными», в лясских источниках, например, называли южных чжурчжэней, подчинявшихся власти Ляо – в противоположность «диким чжурчжэням», которые не подчинялись Ляо.

³⁷ Сунский чиновник (годы жизни 1073 – 1146 гг.), в период Сюань-хэ (1119–1125 гг.) был главным судьей в провинции Хэбэй, перебежал к чжурчжэням в период Цзянь-янь (1127–1130 гг.) и стал марионеточным правителем в Даминфу, «императором» т.н. «государства [династии] Великая Ци» (*Да Ци го* – существовало в 1130–1137 гг.).

³⁸ *Цзацзи*. С. 847–848.

³⁹ Под Хайдунум имеется в виду бассейн р. Амур, откуда поступали так называемые «синие Хайдунские», т. е. особо ценные и красивые соколы-сапсаны, ценившиеся также за свою охотничью ярость и великодушное оперение.

(13 сентября – 12 октября 942 г.)... чжурчжэни, татары (цзубу) и угуры, каждые [сами по себе], дали дань местными изделиями... Осенью, в седьмой луне [8-го года девиза правления Кай-тай] (4 августа – 1 сентября 1019 г.)... был издан указ императора татарам (цзубу) давать ежегодную дань по прежнему: 1700 лошадей, 440 верблюдов, 10 000 шкурок соболей и 25 000 беличьих шкурок... В шестой луне [17-го года девиза правления Чун-си] (14 июля – 11 августа 1048 г.)... татары (цзубу) приподнесли в дар [императору Ляо] 20 000 лошадей и верблюдов... В шестой луне [18-го года девиза правления Чун-си] (3 июля – 1 августа 1049 г.)... татары (цзубу) принесли дань – лошадей, верблюдов и драгоценные изделия»⁴⁰.

В трактате «Продовольствие и товары» в «Ляо ши» есть сообщение о размерах потребности в степных лошадях у Ляо, которую удовлетворяли через «дань» кочевников: «В 5-м году [девиза правления] Сянь-юн (1069 г.) Сяо Таовэй стал хранителем государственных табунов лошадей, он подал записку императору, где говорилось, что [численность] государственных табунов, которая есть только на бумаге, но не существует в действительности; высшие и низшие [чины] обманывают друг друга; так что следует внести в реестр истинную численность [лошадей], чтобы привести в порядок записи. После чего государство Восточная Дать»⁴¹ ежегодно давало дань в 1000 голов [лошадей]; чжурчжэни, чжубугу и другие государства – 10 000 голов [лошадей в сумме]; татары (цзубу) вместе с [племенами] удвань и тидын – каждое из них по 20 000 голов [лошадей]; Си Ся и шивэй – каждые по 300 голов [лошадей]; различные племена урду, поуали, аолими, пунули, тели и другие – по 300 голов [лошадей]»⁴².

Система отношений империи Ляо с кочевыми народами была гибкой и эффективной, именно она стала прообразом для Монгольской империи, в которой государственный аппарат сформировали именно кидани, потомки правящего рода Ляо, например знаменитый Елюй Чуцай.

⁴⁰ Ляо ши. С. 34, 52, 186, 239–240.

⁴¹ Это государство Бохай, которое после завоевания киданями с 926 г. стало официально называться государством или владением «Восточная Дать».

⁴² Ляо ши. С. 931–932.

ЛИТЕРАТУРА

На китайском языке

- 大金國志 / *Да Цзинь гочжи* / История государства [династии] Великая Цзинь. Пекин, 2011.
- 李心傳 建炎以來朝野雜記 / *Ли Синь-чуань*. Цзянь-янь илай чао-е цзацзи / Различные официальные и неофициальные записи о [событиях] произошедших с периода правления Цзянь-янь. Пекин, 2010.
- 遼史 / *Ляо ши* / История династии Ляо. Пекин, 2013.
- 歐陽修 新五代史 / *Оуян Сю*. Синь У-дай ши / Новая история Пяти династий. Пекин, 2002.
- 彭大雅, 徐霆 黑韃事略 // 海寧王靜安先生遺書, 冊 37 / *Пэн Да-я, Сюй Тин*. Хэй-да ши-люе / Краткие известия о черных татарах // Посмертное собрание сочинений господина Ван Цзин-аня из Хайнина. Т. 37. Чанша, 1940.
- 司馬光 資治通鑒 / *Сыма Гуан* Цзы-чжи тунцзянь / Всеобщее зеркало, правлению помогающее. Пекин, 2013.
- 金史 / Цзинь ши / История династии Цзинь. Пекин, 2005.
- 舊五代史 / Цзю У-дай ши / Старая история Пяти династий. Пекин, 2003.
- 王國維 黑韃事略箋證 // 海寧王靜安先生遺書, 冊 37 / *Ван Го-вэй* Исследование и комментарий к «Кратким сведениям о черных татарах» // Посмертное собрание сочинений господина Ван Цзин-аня из Хайнина. Т. 37. Чанша, 1940.
- 張碧波, 董國堯 中國古代北方民族文化史 / *Чжан Би-бо, Дун Го-яо* История культуры северных народов Китая в древности. Харбин, 2001.
- 中國人名大辭典 / Большой энциклопедический словарь известных людей Китая. Шанхай, 1933.
- 中國古今地名大辭典 / Большой энциклопедический словарь древних и современных географических названий Китая. Шанхай, 1935.
- 中国古代史綱 / Начертание древней истории Китая. Пекин, 1992.
- На других языках.*
- Малявкин А.Г. Материалы по истории уйгуров IX–XII вв. Новосибирск, 1974.
- Материалы по истории древних кочевых народов группы дунху / Введение, перевод и комментарий В.С. Таскина. М., 1984.
- Доронин Б.Г. Организация государственного историописания в Китае в XVII–XVIII вв. // Историография и источниковедение истории стран Азии и Африки. Вып. IX. Л., 1986. С. 98–127.
- Исаева М.В. Представления о мире и государстве в Китае в III–VI веках н.э., М., 2000.
- Кляшторный С.Г. Государства татар в Центральной Азии (дочингисова эпоха) // «Mongolica: К 750-летию «Сокровенного сказания». М., 1993. С. 139–147.

- Кроль Ю.Л.* Географический трактат «История Хань» // «Страны и народы Востока». Вып. XXXII. М., 2005. С. 7–54.
- Крюков М.В., Малякин В.В., Сафронов М.В.* Китайский этнос в средние века (VII–XIII), М., 1984.
- Малякин А.Г.* Историческая география Центральной Азии. Новосибирск, 1981.
- Малякин А.Г.* Комментарий // История Золотой империи. Новосибирск, 1998.
- Пиков Г.Г.* Западные кидани. Новосибирск, 1989.
- Храпачевский Р.П.* Монгольские и китайские источники XIII–XIV вв. о Восточной Европе // Российские и славянские исследования. Т. 2. Минск, 2007. С. 143–147.
- Bretschneider E.* Medieval Researches from Eastern Asiatic Sources. Vol. I–II. London, 1910.
- Wittfogel K.A., Feng Ch.-Sh.* History of Chinese Society Liao (907–1125). Philadelphia, 1949.

R.P. Khrapachevsky

THE CHINESE SOURCES ABOUT SOCIAL AND ECONOMIC RELATIONS WITH NOMADS IN THE 9TH – 11TH CENTURIES

The article discusses the models of relations between nomad communities and Chinese centralized states in the 9th – 11th centuries. It contains the overview of the conceptions of Chinese historiographers and politicians about the relations with the neighboring peoples and with the nomads in particular since the antiquity till the epoch of the Tang Dynasty. First of all, the conception “Central state – Barbarian periphery” is analyzed. Chinese political methods of influence on nomads are discussed. The methods were subdivided into three main categories: military and political campaigns, cultural and civilizational activities, trade and economic ones. It has been noted that, as far as the relations with nomads were concerned, the politics of Khitan Liao Empire was based on the combination of conventional methods of government typical for nomads and the management typical for Chinese centralized states. The detailed analysis of social and economic relations of China with nomads in the period of the last rulers of the Tang Dynasty, of the Five Dynasties and Liao Empire has been carried out. The following sources have been used: “Liao shi” (“The Official History of the Liao Dynasty”), “Jiu Wu-dai shi” (“The Old History of the Five Dynasties”), “Xin Wu-dai shi” (“The New History of the Five Dynasties”), “Zi-zhi tong-jian” (“Universal Mirror, which Helps to Rule”) by Sima Guang and the collections of historical facts made by Li Xin-chuan, the Southern Song historiographer.

Key words: China, Liao Empire, Eurasian nomads, medieval Chinese historiography, medieval Chinese political thought.